

УДК 882-1Костров

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-205-219

ОБРАЗЫ ПРИРОДЫ В ПОЭЗИИ Е.И. КОСТРОВА

Маслова А.Г.*Вятский государственный университет**610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36, Российская Федерация*

Аннотация. В статье исследуются особенности образов природы в произведениях Е.И. Кострова. Творчество Кострова рассмотрено как составной элемент художественной системы, связанной с традиционным классицистическим взглядом на природу, который в последней трети XVIII в. претерпевает качественные изменения. В панегирической поэзии образы природы призваны передать восторженные эмоции, создать иллюзию установившегося в России «золотого века». Начиная с 1780-х гг., Костров всё чаще вводит в свои условные пейзажи отдельные детали, придающие картинам природы пластичность и живописность. В ряде случаев Костров демонстрирует своё умение замечать малейшие изменения природного мира, отражая присутствующее в душе человека естественное «чувство природы». В то же время во всех случаях природа оказывается символом или аллегорией, призванными выразить те или иные «всеобщие» переживания. Автор статьи приходит к выводу, что Кострову свойственно «этикетное смирение» перед классиками, которые оставались для него образцом высокого служения искусству и отечеству.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII в., классицизм, жанровое мышление, художественное пространство, переходные явления в литературном процессе, натурфилософия, пейзаж.

IMAGES OF NATURE IN E. KOSTROV'S POETRY

A. Maslova*Vyatka State University**36, Moskovskaya st., Kirov, 610000, Russian Federation*

Abstract. The article investigates the features of the images of nature in E. Kostrov's works. Kostrov's creative work is considered as an integral element of the artistic system associated with the traditional neo-classical view on nature, which underwent qualitative changes in the last third of the 18th century. In panegyric poetry, the images of nature are called to convey enthusiastic emotions, create the illusion of the «golden age» that has been established in Russia. Since the 1780s, Kostrov increasingly introduces into his conditional landscapes individual details that animate abstract neo-classical images, give plasticity and picturesqueness to the pictures of nature. In a number of cases, Kostrov demonstrates his ability to notice the slightest changes in the natural world, reflecting the natural «sense of nature» present in the human soul. At the same time, in all cases, nature is a symbol or an allegory, designed to express certain «universal» experiences. The author of the article comes to the conclusion that Kostrov is char-

acterized by «etiquette humility» before the classics, who remained a model of high service to art and the motherland for him.

Key words: Russian poetry of the 18th century, classicism, genre thinking, artistic space, transitional phenomena in the literary process, natural philosophy, landscape.

Е.И. Костров – поэт, создававший свои произведения в последней четверти XVIII в. Это время переходное, когда в русской литературе происходят качественные изменения, ведущие к смене эпох: традиционализм и риторическое слово уступают место индивидуальному авторскому мировидению. Новые процессы захватывают все сферы, в творчестве большинства художников слова этого периода можно увидеть «сложный синтез традиционных мотивов, реализующих сложившуюся в недрах рационалистической поэтики классицизма нормативную систему, и, с другой стороны, новое видение поэзии, открывавшее путь той самой индивидуально-творческой эстетике, развитие которой и будет продолжаться в рамках романтической поэтики в XIX веке» [3, с. 181]. Складывается новая концепция человека, изменяются формы образного мышления в целом, что, безусловно, сказалось и на формировании нового подхода к образам природы в художественном тексте. Как пишет об этом периоде Л.А. Сапченко, «новая концепция человека и новые принципы художественного мышления, как всегда, оказались тесно связанными: изображение природы приобрело особое значение и особое качество» [15, с. 1].

Научная проблема. В данной статье мы обращаемся к анализу образов природы в поэзии Е.И. Кострова, чтобы проследить, как отразились новые веяния переходной эпохи в творчестве конкретного поэта, который не совер-

шил качественного прорыва в литературном процессе, подобно своему современнику Г.Р. Державину, но в то же время чутко улавливал эстетические веяния времени и, как заметил Г.А. Гуковский, в краткий период своего творческого пути «совершил эволюцию, последовательно отразившую основные этапы развития русской литературной культуры второй половины XVIII в.» [5, с. 462].

Актуальность и научная значимость. Наиболее ярко процессы изменения художественного мировидения можно наблюдать, изучая сквозные для культуры темы, мотивы и образы, а образы природы, без сомнения, являются таковыми. Значимость исследования образов природы в литературном творчестве аргументирует М.Н. Эпштейн, отметивший, что «анализ пейзажных мотивов помогает понять не только национальное своеобразие литературы, но и её историческое движение... Образы природы, которая остаётся равной себе на протяжении столетий, позволяют проследить движение самой художественной образности, не смешивая его с движением изображаемой действительности» [17, с. 6]. Е.И. Костров начинает свой творческий путь как ученик М.В. Ломоносова, затем усваивает творческие принципы М.М. Хераскова и духовно-нравственные концепции масонской антропологии, отразившейся в поэзии журналов, издаваемых Н.И. Новиковым в типографии Московского университета, впоследствии ориентирует-

ся на открытия Г.Р. Державина, в 80-е годы начинает создавать «лёгкую» поэзию в духе сентиментализма, в конце 1780-х–начале 1790-х гг. открывает для себя и для всей русской литературы Оссиана, способствуя зарождению на русской почве нового романтического взгляда на природу и человека. В этом смысле Костров является знаковой фигурой своего времени, творчество его оказывается вовсе не на периферии, а в самом центре художественных исканий эпохи, поэтому анализ образов природы и их художественной функции в его поэзии раскрывает как ведущие тенденции всей эпохи, так и особенности индивидуально-авторской эстетической концепции.

Степень изученности проблемы. Изучение образов природы в литературе – одна из наиболее привлекательных сфер исследовательского внимания. В литературоведении сложилась определённая концепция, отражающая процессы изменения в использовании образов природы в художественных текстах разных эпох, в том числе и интересующего нас периода последней четверти XVIII в., когда происходит качественное изменение «чувства природы». Именно в этот период художественное мышление в рамках традиционных жанров, сковывающее проявление непосредственного индивидуально-авторского переживания природы, уступает место новому субъективному образу природы, способному передать и разнообразие звуков и красок природного мира, и личное авторское восприятие природы, созвучное психологическому состоянию души лирического героя.

И.О. Шайтанов, анализируя типы отношения к природе в искусстве раз-

личных эпох, подчеркнул, что «чувство природы» у классицистов было сковано рамками жанрового мышления, но именно XVIII в. «повернулся лицом к природе, почувствовал её притяжение и загадочность» [16, с. 23]. Как таковое «открытие природы» ещё не было завершено в XVIII в., так как в век Разума представление об абсолютной неизменяемости природы ещё оставалось центральным для мировоззрения, классицисты стремились «выразить то, что ощущает каждый человек и всегда, а не отдельная личность в данный момент» [16, с. 130], поэтому при обращении к природным образам преобладает «аллегорическое изображение», можно говорить об «условности» в создании образов природы. Индивидуальное «чувство природы» появляется только к концу века, в творчестве М.Н. Муравьёва, Г.Р. Державина и Н.М. Карамзина. В то же время нельзя говорить об абсолютной неизменности отношения к природе в XVIII столетии. И.О. Шайтанов выделяет различные типы зарисовок природы, органично сменяющие друг друга: *насторальная* поэзия, создающая условный образ природы с обязательными «пастушескими» атрибутами, *описательная* и *дидактическая* поэзия, предполагающая дистанцию между природой и человеком, её наблюдающим и над ней размышляющим, *живописная* поэзия, стремящаяся к созданию зримого образа природы, *ночная* поэзия, призванная передать меланхолическое состояние души лирического героя.

К.Н. Григорьян, рассматривая особенности образов природы в русской поэзии XVIII в., пишет: «Примитивные зарисовки картин природы

встречаются ещё в первой трети XVIII века, у В.К. Тредиаковского, но они приобретают эстетическую значимость лишь в конце века. В творчестве М.Н. Муравьёва намечается процесс постепенного отхода от описательности к собственно пейзажным мотивам» [4, с. 133]. В классицизме образы природы носили преимущественно декоративно-украшательный характер, использование их регламентировалось «правилами», как, например, в идиллиях или элегиях, где преобладал так называемый «улыбающийся» пейзаж с цветущими лужайками, тёплым ветерком, зелёной рощицей и сверкающим ручейком. Новое отношение к природе приносит сентиментализм. Так, Н.М. Карамзин призывает к познанию «жизни сердца» через поэтическое созерцание природы [4, с. 133].

О роли природных образов в творчестве М.В. Ломоносова, традициям которого следует Е.И. Костров в начале своего творческого пути, писал Л.В. Пумпянский. Исследователь отметил, что в одах М.В. Ломоносова 40-х гг. в XVIII в. «природа есть либо 1) аллегория (худший случай), либо 2) аллегорическая декорация (лучший)» [13, с. 314]; «природа у Ломоносова ... подчинена истории, представленной в оде тематизмом, и превращается в ряд означений; это высший тип символизма ("символизм классиков"), достижимый только восторженным забвением и себя и природы» [13, с. 315]. Как подчеркнул А.В. Западов, «в русской поэзии до Державина пейзаж почти отсутствовал, а если появлялся, носил совершенно условный характер» [7, с. 220]. Образы природы в додержавинской поэзии выполняли служебную функцию.

Т.А. Алпатова уделила внимание метафизике образа осени в поэзии последней трети XVIII в., подчеркнув, что именно освоение «осенней» образности такими поэтами, как Г.Р. Державин и Н.М. Карамзин, стало «одним из основных направлений в осуществившемся на рубеже веков процессе смены типов художественного сознания» [2, с. 42].

М.Н. Эпштейн, анализируя образы природы у русских поэтов XVIII–XX вв., внёсших наиболее заметный вклад в развитие пейзажа, кратко охарактеризовал особенности пейзажных образов в творчестве таких поэтов XVIII в., как В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, М.Н. Муравьёв, Н.М. Карамзин. Если у Тредиаковского природа предстаёт в трогательно-наивном перечислении общих перемен в погоде и сезонных примет, то зрелая классицистическая поэзия Ломоносова возвеличивает природу до вселенских масштабов и одновременно ставит её в зависимость от явлений государственной жизни: «Создатель величественного пейзажа, Ломоносов раскрывает природу в её бесконечной мощи, неисчерпаемом разнообразии, в яростном круговращении всех стихий» [18, с. 225]. Державин проявляет интерес не только к космически масштабным явлениям природы, но и к мельчайшим звуковым и цветовым подробностям, вносит свой вклад в формирование национального пейзажа. Муравьёв создаёт первые образцы сентиментального пейзажа в русской поэзии, а Карамзин открывает глубинную поэтичность самой природы, закладывает основы для психологизма в пейзажной лирике.

М.Н. Эпштейн отметил, что Г.Р. Державин «ввёл в русскую поэзию мрачный, таинственно-зловещий пейзаж (бледная луна, свист бури, ревущие волны)» [18, с. 226], однако такой тип пейзажа приходит в русскую поэзию благодаря костровскому переводу «Песен Оссиана» (1792). Распространившаяся и получившая небывалую популярность мифология оссианизма оказала огромное влияние на развитие романтической поэтики в русской литературе. Принято говорить об особом «оссианическом» пейзаже, который имеет свои специфические характеристики. Так, А.И. Разживин выделяет такие типы восходящего к оссианизму образа природы, как оссианическая вариация «меланхолического» пейзажа с его мрачным колоритом и ощущением тревоги, и «бурный пейзаж», открывающий для поэзии «мрачный и мятежный дух северной природы» [14, с. 173]. А.Н. Пашкуров и А.И. Разживин отмечают в поэзии Кострова проявление нового отношения к природе в стихах «суворовского цикла», где великий полководец предстаёт «как мистическая новая сила природы, способная потрясти всё мироздание: “Единым именем он – молнии удар...”» [10, с. 363].

Так, во всех исследованиях отмечается качественное изменение поэтического взгляда на природу в русской поэзии последней трети XVIII в.: от классицистического восприятия природы как сферы Божественного мироздания до осознания глубоких внутренних взаимосвязей каждого человека с окружающим природным миром. В соответствии с этим меняется и отношение поэтов к образам природы в литературе: от абстрактных

примет и «условных» пейзажей, от образов-эмблем и аллегорий литература приходит к субъективным и психологическим пейзажам, призванным раскрыть внутренний мир лирического героя. В рассмотренных работах на первом месте имена ведущих поэтов XVIII в.: М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина. Творчество Е.И. Кострова и особенности природных образов в его поэзии литературоведами не изучены, в то же время в современных исследованиях отмечен вклад Кострова в утверждение на русской почве оссианического пейзажа, получившего распространение в творчестве романтиков.

Цель исследования. Анализ природных образов в творчестве Е.И. Кострова в контексте общекультурных процессов переходной эпохи позволит выявить художественную позицию автора в литературном процессе последней четверти XVIII столетия.

Ход исследования и результаты. В первых одах Е.И. Кострова присутствуют образы природы как «общие места», позволяющие передать эмоциональное состояние одического автора, испытывающего необходимый для этого жанра «лирический восторг». Поэт использует образ восходящего солнца в приступах к торжественным одам, символически передавая идею восхождения одического певца на Парнас. «Ода на всерадостный день коронации Екатерины II, 1778 года» открывается следующими строками:

*Златого светоносца персты
Открыли в тверди горизонт;
Врата восточные отверзты,
Оставлен Фебом хладный понт*

[8, с. 5].

Солнце пробуждает от сна всех «тварей» земных, и поэт, наблюдая восход, призывает к пробуждению свою Музу; восходящее солнце также символизирует начало «всерадостного» дня коронации. Подобный же приступ, содержащий мотивный комплекс «восходящее солнце – весна – пробуждающаяся Муза», открывает оду «На день рождения Екатерины II и на празднество первой четверти столетия от учреждения Московского университета, 21 апреля 1780 года», но здесь символическая картина восходящей зари наполняется подробностями природного мира, звучат трели недремлющего соловья, упоминается об утренней прохладе:

*Весенних дней любитель нежный,
Певец недремлющ – соловей
Ты в час прохладный, безмятежный
Пред восходящею зарей
Приятный голос напрягаешь
И тем ея восход среташь* [8, с. 33].

Картина природы, хотя и продолжает играть в приступе служебную символическую роль, обретает за счёт этих деталей живописность и конкретность.

Примечательно, что, используя образ восходящего солнца в приступе к оде, Костров создаёт и другую картину – образ заката в заключении к оде. Такой приём мы видим в оде «На открытие губернии в столичном граде Москве, Екатерине II, 5 октября 1782 года». В оде создаётся картина вечернего пейзажа: на смену солнцу на небо восходит луна, которую автор называет «сестрой огнеобразна Феба» [8, с. 77]. Образы солнца и его сестры луны не случайно появляются в торжественной оде: они с высоты неба

поочередно взирают на «росски торжества».

Так, мы видим, что картины расвета и заката в одах Кострова создают необходимый для панегирика эмоциональный фон. В то же время поэт в отдельных случаях вводит в обобщённые символические картины детали, придающие образам природы большую конкретность и живописность.

Одним из частотных «общих мест» оды является топос преобразования природного пространства в связи с благотворным влиянием прославляемой особы. Подобный образ природы появляется и в одах Е.И. Кострова. Так, в оде «На рождение его императорского величества Александра Павловича 1778 года» показана преобразившаяся в весну зимняя природа:

*Журчащи реки и пенисты,
Нарушив естества союз,
Как в летни дни, спокойны, чисты,
Изъяты тяжких мразных уз,
Стремясь, весело протекают,
Брегам обилие вещают...* [8, с. 20]

В оде Е.И. Кострова «На день рождения государыни императрицы Екатерины II, 21 апреля 1781 года» мотив преобразования пространства объединяется с идиллическим топосом: речь, взгляд, движение одической героини повсюду вызывают ликование в природе: «Речет: бесплодные пустыни / Преобратятся в вертоград», «Воззрит в поля: и зреют класы», «Под кроткими Ея стопами / Одевшись луга цветами / Струи нектарные лиют» [8, с. 55].

Контаминация идиллического и одического топосов – закономерное явление в торжественной поэзии, и это доказано в исследованиях Н.Д. Кочетковой [9] и Т. е. Абрамзон [1]. Как отмечает В.М. Живов, возможность вза-

имопроникновения идиллического и одического начал заложена в самой абсолютистской государственной мифологической структуре с её ориентацией на символику райских блаженных времён, «в её пасторальной мотивике, в постоянно повторяемых темах Аркадии и Золотого века» [6, с. 450]. Закрепившаяся за русским монархом мессианская функция проявляется в мифологическом восприятии его как установителя социальной гармонии, распространителя блаженства, восставившего Рай на земле.

Нередко картины весенней природы используются в торжественных панегириках для воссоздания образа «золотого века», установившегося в Российском государстве благодаря деяниям идеального правителя:

*Вы, горы, источайте сладость
И дайте весть крутым холмам.
Да с высоты взирая низу,
В зелену облекутся ризу,
Покроют цветом рамена,
Весельем чресла препояшут
И с нами в торжестве воспляшут
В сии златые времена* [8, с. 37].

Образ ликующей и изобильной природы передаёт основную эмоцию торжественного панегирика – восторг перед деяниями монарха. В той же оде «На день рождения Екатерины II и на празднество первой четверти столетия от учреждения Московского университета, 21 апреля 1780 года» ликующей природе противопоставлен образ напуганной природы, призванный передать эмоциональное состояние врага, против которого направлен гнев монарха:

*Дубравы и леса трепещут,
Сердца недвижных стонут гор,
С долиной холмы соравнились,*

*Вспять реки с ужасом стремились
И зверь бежал во мрачность нор*
[8, с. 35].

Идиллический пейзаж, преобразующая природа – часто встречаемые в одах и других произведениях панегирического характера мотивы. В то же время следует отметить особое мастерство Е.И. Кострова в воссоздании некоторых деталей природного мира:

*Там нежными Зефир устами
Целуя жатву на полях,
И легкими носясь крылами,
Резвился в класах, как в волнах;
Они то кверху поднимались,
То книзу томно преклонялись,
Являя злачна моря вид.
Когда они твой образ зрели,
То зерна в них тучнее спели.
Тебя Церера тако чтит* [8, с. 51].

Из приведённого отрывка видно, что картина природы играет символическую роль, для её воссоздания используются мифологические образы, цель одического певца – подчеркнуть богоизбранность адресата, передать эмоции радости и блаженства, но при этом символичность не исключает живописности. Автор искусно показывает живую природу; это не застывший в вечном блаженстве мир, а мир, в котором всё живёт и движется: колосающееся поле переливается волнами под воздействием тёплого южного ветра.

Так, образы природы используются для передачи особой «ритуальной» коллективной эмоции, которая должна, согласно официальной идеологии, переполнять сердца граждан в те или иные моменты. Е. Погосян отмечает то, что эмоция русской панегирической оды тесно связана с политикой и идеологией: «Официальная идеология в очень большой степени определяет,

каким должно быть переживание того или иного события, то есть речь идёт о том, что официальный быт требует не только строго ритуального поведения, но и ритуального переживания, и ода это ритуальное переживание фиксирует и в то же время этому ритуальному переживанию «обучает» [12]. Образы природы, как можно убедиться, играют в данном случае далеко не последнюю роль. Сопоставляя картины природы с переживаниями благодарных российской правительнице граждан, автор оды наглядно показывает естественность и необходимость подобных эмоций. Выше уже были проанализированы отрывки, когда природа демонстрировала пример радостных или, наоборот, тревожных эмоций, которые должен испытывать народ под властью монарха.

Органично включает Е.И. Костров природные образы и в такой особый поэтический жанр, как эонические стихи (стихи на Новый год). Предсказывая отраду и веселье всему русскому народу в новом году, поэт передаёт радостные эмоции через восторг всей природы:

Взыграют холмы все, луга, поля, долины!

Нельзя иного ждать во дни Екатерины [8, с. 176].

Природа! воспрями, почувствуй силы новы,

Коль можно, хладные потищись превратить оковы

И холмы снежные низринь с высоких плеч,

Спеши себя в цветы и в мягкий злак облечь [8, с. 177].

В процитированных стихах на Новый 1780 и 1781 год природа предстаёт в самом обобщённом виде, для

поэта важен лишь условный образ, призванный выполнять заданную ему символическую функцию и передавать необходимые эмоции, связанные с восторженными переживаниями «златого века», пришедшего в Россию в период правления Екатерины. Эонические стихи, созданные Костровым в начале 1780-х гг., невелики по объёму, с канонической одой несоразмерны, но, как заметил А.В. Петров, они и по функциям, и по содержанию отсылают к жанру торжественной оды, призванной выражать официальную государственную идеологию: «Перед нами – светское новогоднее поздравительное стихотворение в рамках “государственной” поэзии» [11, с. 139].

Для выражения просветительских взглядов автора также могут использоваться образы природы. Так, в оду «На день рождения Ея императорского Величества Екатерины II, 21 апреля 1781 года» вводится мотив неукротимой юности, нуждающейся в поддержке опытных и мудрых учителей, а для большей наглядности, демонстрируя опасность, ожидающую страстных, но неопытных молодых людей, Е.И. Костров вводит образ неукрощённого коня, налетевшего на неожиданную преграду и летящего в бездну:

*Что юность? – Конь неукрощенный,
Отважен, горд, надмен, свиреп,
И, жаром бодрым воспаленный,
Преград не любящ, ни заклеп,
Который не прездря напасти
И не терпя чужия власти,
Летит чрез горныя хребты,
Летя, в груди сугубит пламень,
Но вдруг, в пути преткнись о камень,*

Стремглав стремится с высоты [8, с. 56].

Картина падающего в бездну коня играет роль поучения: как конь нуждается в руководстве, так и юные души нуждаются в наставлении.

Отметив выше отдельные случаи мастерства Е.И. Кострова в создании пейзажей, обратим внимание на более показательные примеры живописности поэтического взгляда писателя. В «Эпистоле на всерадостный день восшествия на престол Ея Императорскаго Величества Екатерины II, 28 июня 1786 года», Е.И. Костров создаёт образ Балтики:

*Там грозный вал, клубясь, одет се-
дою пеной,*

*Другие пред собой стремится на брег
зеленой;*

*Они, кипя, спешат друг друга упре-
дить,*

*Стремятся горы там чрез горы пре-
сколотить.*

*Любимец тишины и сын желанна
пира,*

*Приятный, сладостный, как золото-
струнна лира,*

*Зефир простер крыле, простер –
умолкло все,*

*Играет Фебов луч лазорных вод в
красе.*

<...>

*Там лебедь, распростря сребристыя
крыле,*

*На гладком плавает в безмолвных
вод стекле,*

*И легкий пух его Фавоний развева-
ет,*

*То поднимает вверх, то книзу опу-
скает [8, с. 89].*

Балтийское море в начале процитированного отрывка – это бурная и грозная стихия, в «бурном» представлении которой прочитывается пейзаж в духе Оссиана, поэтизирующий

«мрачный и мятежный дух северной природы» [14, с. 173]. Грозной Балтике противопоставлен образ тихого и спокойного моря, которое отражает солнечный свет в чистейшей глади своих вод. Природа представлена в движении: необыкновенно грациозно выглядит лебедь, и поэт позволяет читателю заметить мельчайшие движения лебяжьего пуха, колеблемого лёгким ветерком. Такие картины природы в XVIII в., даже в 80-е гг., безусловно, уникальны и притягивают внимание читателя своей завораживающей живописностью. В то же время пейзаж и здесь не играет самостоятельной роли. Чудесное преобразование грозной стихии в идиллический пейзаж призвано показать великие свершения Екатерины, несущей счастье, тишину и спокойствие россам.

Не менее замечательными выглядят картины природы в эклоге «Три грации», посвящённой дню рождения Великой княжны Александры Павловны. В стихотворении создаётся образ радующейся рождению юной княжны Невы:

*Но златовласный Феб утехой сей
любуюсь,*

*И росским торжествам с высот со-
образуюсь,*

*Животворительны с превыспрен-
ных зыбей*

*Льет в Неву огни от радостных
очей:*

*Огни сии в водах различно прелом-
ляясь,*

*От влаги бисерной со блеском от-
ражаясь,*

*Играющий нам вид являют во струях
И поздравляют тем дочь Павла в
пеленах [8, с. 102–103].*

Здесь же выписанный не менее искусно, чем в предыдущем случае, образ лебедя:

Так лебедь в озере со легкостью плывет,

Так ласковый Зефир, ему стремясь в след,

Подъемлет пух его, и нежит, и лобзает,

Сжимает скромностью, обратно распускает,

И наконец во мзду полета своего

Стремится опочить под крыльями его [8, с. 103–104].

Можно зримо представить нарисованную автором картину: в невской воде отражаются и переливаются световыми бликами солнечные лучи, дует лёгкий ветер, который едва заметно колеблет перья плывущего по глади вод царственного лебедя. Как и в предыдущем случае, живописность пейзажа, искусно выписанные детали не отрицают символической роли природных образов: здесь картины природы передают атмосферу безмятежной радости, царящей в мире в связи с рождением прекрасной юной княжны. Безусловно, поэт, чутко подмечающий отдельные природные детали и любующийся ими, следуя общему движению литературы к созданию индивидуального и имеющего самостоятельную ценность пейзажного образа, не мог не отразить в своей поэзии эти качественно новые явления.

Примечательно, что в поэзии Е.И. Кострова появляются случаи изображения частного отношения человека к природе, созерцания красоты природы и наслаждения ею:

Так сад, кусточками и тенью древ прелестен,

Стоящий на горе над током чистых вод,

Хотя и будет нам совсем уже известен,

Хотя известен в нем по вкусу каждый плод,

Хотя дорожки все знакомы,

Но, тайным чувствием влекомы,

Еще охотно мы гулять в него спешим:

Повсюду взоры обращаем,

Увидеть новости желаем,

Хоть взором много раз все видели своим [8, с. 113].

Но Костров всё же остаётся верным традициям поэзии XVIII в. Приведённая картина не имеет самостоятельного значения в «Письме к творцу оды, сочинённой в похвалу Фелицы, царевны Киргизсайсацкой»: чувство эстетического любования природой призвано продемонстрировать подобное же отношение автора послания и его современников к поистине новаторскому сочинению Г.Р. Державина. Как природа, пусть даже в хорошо знакомом саду, способна постоянно возбуждать в сердце человека чувство восхищения её красотой, так и ода Державина вызывает восхищение в сердцах читателей, сколько бы раз они ни прослушивали уже знакомые строки.

Особое внимание стоит обратить на роль природных образов в так называемых «лёгких» стихотворениях, создававшихся Костровым под влиянием всё более набравшего силу сентиментализма. В «Стихах Анете» образы природы, как и в одических произведениях, позволяют передать восторженные эмоции лирического героя, любующегося юной красавицей:

Счастлив стократно ручеек,

Достоин зависти поток,

*Захочет где узреть лице свое Анета.
Явится в новый знак и роцца та одета,
Где ей полдневный зной
Велит искать себе покой* [8, с. 198].

Лирический герой испытывает радость при виде Анеты, аллегорически это состояние передаётся с помощью образов счастливого ручья, в воды которого смотрится красавица, а также тучнеющих злаков и зеленеющей рощи, облюбванных Анетой для полуденного отдыха.

В стихотворении «К бабочке» создаётся образ беззаботно порхающей от цветка к цветку бабочки: она целует «гвоздичку», торжествует «над целомудрием и розы и лилеи», летит к фиалке, обнимает «незабудочку». Но и здесь образ бабочки используется в качестве аллегории: бабочка соотносится с образом человека, не отличающегося постоянством и проводящего жизнь в развлечениях, этот образ служит антитезой лирическому герою, который влюблён в красавицу и не может ей изменить.

Выводы. Анализ поэзии Е.И. Кострова показывает, что в целом поэт остаётся в рамках классицистической поэтики, включая в свои произведения природные образы-символы и аллегории. В панегирической поэзии образы природы призваны передать восторженные эмоции, подчеркнуть благотворное воздействие прославленного субъекта на окружающее пространство, создать иллюзию установившегося в России «золотого века». Утренний восход символизирует день восшествия на престол Екатерины II, момент пробуждения Музы, восхождение поэта на Парнас. Ночной пейзаж, появляющийся в панегирических текстах, неизменно освещён лунным

сиянием, что должно подчеркнуть мысль о неусыпном Божественном покровительстве, нисходящем на российские пространства. В произведениях, написанных к знаменательным датам Московского университета, подчёркивая просветительскую мысль о благотворном влиянии образования на молодого человека, Костров также использует аллгорию, сопоставляя не умеющего управлять своими страстями юношу с необузданным конём. В «лёгкой» поэзии образы природы призваны передать чувства человека, любующегося юной красавицей, или аллегорически отразить беззаботность и безмятежную радость человека, не испытывающего чувства любви. В то же время, начиная с 1780-х гг., Е.И. Костров всё чаще вводит в свои условные пейзажи отдельные детали, оживляющие абстрактные классицистические образы, придающие картинам природы пластичность и живописность. В ряде случаев Костров демонстрирует своё умение замечать малейшие изменения природного мира, изображать природу в динамике, отражая присутствующее в душе человека естественное «чувство природы».

Проблемными остаются закономерные для исследователя вопросы, которые, на наш взгляд, необходимо сформулировать, чтобы осмыслить творческий феномен Кострова. Почему, улавливая все новые веяния в литературе, восхищаясь новаторскими произведениями Г.Р. Державина, включаясь в группу авторов, публикующихся в карамзинских «Аонидах» в 1790-е гг., открыв для русской литературы «оссианический» пейзаж, Е.И. Костров не посчитал возможным изменить классицистической поэтике,

не создал ни одного оригинального произведения, в котором бы выразился в полной мере новый художественный подход к образам природы? Почему мы не обнаруживаем у Кострова характерных для усадебной поэзии, утверждающейся в поэзии последней трети XVIII в., сельских пейзажей? Почему он не следует за подражателями Карамзина и не создаёт стихотворений, где бы природа отражала индивидуальные, а не «коллективные», переживания лирического героя? Почему нет в поэзии Кострова оригинальных классицистических пейзажей, подобных тем, что создал Г.Р. Державин в оде «На взятие Измаила» или в «Водопаде»?

Анализ поэтических текстов Кострова показал, что у поэта вполне хватало таланта, чтобы всё это осмыслить и воссоздать в своём творчестве, однако он не пошёл ни по одному из этих новых «путей», а остался в рамках классицизма. Наверное, это стоит рассматривать как сознательное следование поэта «своему» пути, как скромное смирение перед классиками, которые, несмотря ни на какие новые модные веяния, были для Кострова образцом высокого служения искусству и отечеству.

*Статья поступила в редакцию
25.09.2018 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон Т. е. Поэтические мифологии XVIII века (Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин). Магнитогорск: Магнитогорский государственный университет, 2006. 480 с.
2. Алпатова Т.А. Метафизика Осени в поэтическом мире Г.Р. Державина и Н.М. Карамзина // Поэтика Г.Р. Державина и литературные диалоги. Казань: Издательство Казанского университета, 2017. С. 38–49.
3. Алпатова Т.А. Поэтология М.Н. Муравьёва в художественной системе русской лирики последней трети XVIII века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 180–187.
4. Григорьян К.Н. Пейзаж в русской живописи и поэзии // Литература и живопись. Л.: Наука, 1982. С. 128–146.
5. Гуковский Г.А. Костров // История русской литературы: В 10 т. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. С. 462–472.
6. Живов В.М. Государственный миф в эпоху Просвещения // Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 439–460.
7. Западов А.В. Поэты XVIII века (М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин). М.: Издательство Московского университета, 1979. 312 с.
8. Костров Е.И. Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова: В 2 ч. Ч. 1. СПб: Императорская типография, 1802. 177 с.
9. Кочеткова Н.Д. Тема «золотого века» в поэзии Г.Р. Державина // Г.Р. Державин и его время: сборник научных трудов. Вып. 2. СПб.: Всероссийский музей А.С. Пушкина, 2005. С. 8–17.
10. Пашкуров А.Н., Разживин А.И. История русской литературы XVIII века : в 2 ч. Часть 2. М.: ФЛИНТА : Наука, 2017. 536 с.
11. Петров А.В. Новогодняя поэзия в России (от Тредиаковского до Бенедиктова). Магнитогорск: Магнитогорский государственный университет, 2009. 267 с.

12. Погосян Е.А. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг.: дисс. ... д-ра философии по рус. лит. Тарту, 1997. 159 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/534639.html#p.6> (дата обращения: 15.08.2018).
13. Пумпянский Л.В., Николаев Н.М. К истории русского классицизма (поэтика Ломоносова) // Контекст: Литературно-теоретические исследования. 1983. Т. 1982. С. 303–335.
14. Разживин А.И. Оссианизм в русской литературе рубежа XVIII–XIX веков. Мифология, поэтика, основные концепты // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики. Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 50-летию факультета иностранных языков ЕИ К(П)ФУ, 23 октября 2015. Елабуга: Елабужский институт Казанского федерального университета, 2015. С. 168–174.
15. Сапченко Л.А. Природа в художественном сознании Державина, Карамзина и раннего Жуковского (К проблеме эволюции образного мышления): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1989. 16 с.
16. Шайтанов И.О. Мыслящая муза. «Открытие природы» в поэзии XVIII века. М.: Прометей, 1989. 260 с.
17. Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.
18. Эпштейн М.Н. Стихи и стихия. Природа в русской поэзии XVIII–XX вв. Самара: Издательский Дом «БАХАРАХ-М», 2007. 352 с.

REFERENCES

1. Abramzon T.E. Poeticheskie mifologii XVIII veka (Lomonosov, Sumarokov, Kperaskov, Derzhavin) [The poetic mythology of the eighteenth century (Lomonosov, Sumarokov, Kheraskov, Derzhavin)]. Magnitogorsk, Magnitogorsk State University Publ., 2006. 480 p.
2. Alpatova T.A. [Metaphysics of Autumn in the poetic world of G. Derzhavin and N. Karamzin]. In: Poetika G.R. Derzhavina i literaturnye dialogi [The poetics of G. Derzhavin and literary dialogues]. Kazan, Kazan University Publ., 2017. pp. 38–49.
3. Alpatova T.A. [M. Muravyov's poetics in the art system of the Russian lyrics of the last third of the 18th century]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2016, no. 5, pp. 180–187.
4. Grigor'yan K.N. [Landscape in Russian painting and poetry]. In: Literatura i zhivopis' [Literature and painting]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. pp. 128–146.
5. Gukovskii G.A. [Kostrov]. In: Istoriya russkoi literatury: V 10 t. T. IV: Literatura XVIII veka. Ch. 2 [History of the Russian literature: in 10 vol. Vol. IV: Literature of the 18th century. Part 2]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1947. pp. 462–472.
6. Zhivov V.M. [The state myth in the age of Enlightenment]. In: Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury [Researches in the history and prehistory of Russian culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002. pp. 439–460.
7. Zapadov A.V. Poety XVIII veka (M.V. Lomonosov, G.R. Derzhavin) [Poets of the 18th century (M. Lomonosov, G. Derzhavin)]. Moscow, Moscow University Publ., 1979. 312 p.
8. Kostrov E.I. Polnoe sobranie vseh sochinenii i perevodov v stikhakh g. Kostrova: V 2 ch. CH. 1 [Complete collection of all writings and translations in verse of Mr. Kostrov: 2 p. Part 1]. St. Petersburg, Imperatorskaya tipografiya Publ., 1802. 177 p.

9. Kochetkova N.D. [The theme of the “Golden age” in the poetry of G. Derzhavin]. In: G.R. Derzhavin i ego vremya: sbornik nauchnykh trudov. Vip. 2 [G. Derzhavin and his time: a collection of scientific papers. Iss. 2]. St. Petersburg, The National Pushkin Museum, 2005, pp. 8–17.
10. Pashkurov A.N., Razzhivin A.I. Istoriya russkoi literatury XVIII veka : v 2 ch. Chast' 2 [History of the Russian literature of the 18th century : in 2 parts. Part 2]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2017. 536 p.
11. Petrov A.V. Novogodnyaya poeziya v Rossii (ot Trediakovskogo do Benediktova) [New Year's poetry in Russia (from Trediakovsky to Benediktov)]. Magnitogorsk, Magnitogorsk State University Publ., 2009. 267 p.
12. Pogosyan E.A. Vostorg russkoi ody i reshenie temy poeta v russkom panegirike 1730–1762 gg.: dis. ... dokt. filosofii po rus. lit. [The delight of the Russian ode and the solution of the theme of the poet in the Russian panegyric of 1730–1762: D. thesis in Philosophy on Russian literature]. Tartu, 1997. 159 p. Available at: <http://www.ruthenia.ru/document/534639.html#p.6> (accessed: 15.08.2018).
13. Pumpyanskii L.V., Nikolaev N.M. [On the history of Russian classicism (poetics of Lomonosov)]. In: Kontekst: Literaturno-teoreticheskie issledovaniya [Context: Literary and Theoretical Studies], 1983, vol. 1982, pp. 303–335.
14. Razzhivin A.I. [Ossianism in Russian literature of the turn of the 18th –19th centuries. Mythology, poetics, basic concepts]. In: Sovremennyye problemy filologii i metodiki prepodavaniya yazykov: voprosy teorii i praktiki. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 50-letiyu fakul'teta inostrannykh yazykov EI K(P)FU, 23 oktyabrya 2015 [Modern problems of Philology and methods of teaching languages: questions of theory and practice. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 50th anniversary of the Faculty of Foreign Languages EI K(P)FU, October 23, 2015]. Elabuga, Elabuga Institute of Kazan Federal University Publ., 2015. pp. 168–174.
15. Sapchenko L.A. Priroda v khudozhestvennom soznanii Derzhavina, Karamzina i rannego Zhukovskogo (K probleme evolyutsii obraznogo myshleniya): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Nature in the artistic consciousness of Derzhavin, Karamzin and early Zhukovsky (On the problem of the evolution of figurative thinking): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1989. 16 p.
16. Shaitanov I.O. Myslyashchaya muza. “Otkrytie prirody” v poezii XVIII veka [The thinking Muse. “Discovery of nature” in the poetry of the 18th century]. Moscow, Prometei Publ., 1989. 260 p.
17. Epshtein M.N. Priroda, mir, tainik vselennoi: Sistema peizazhnykh obrazov v russkoi poezii [Nature, the world, crypt of the universe: the System of landscape images in Russian poetry]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 303 p.
18. Epshtein M.N. Stikhi i stikhiya. Priroda v russkoi poezii XVIII–XX vv. [Poetry and the element. Nature in the Russian poetry of 18–20th centuries]. Samara, “BAKHARAKH-M” Publ., 2007. 352 p.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Творчество Е.И. Кострова в контексте русской поэзии XVIII века» № 17-04-50062-ОГН.

ACKNOWLEDGMENTS

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, the project “Kostrov’s Creativity in the Context of Russian Poetry of the 18th Century” No. 17-04-50062-ОГН.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маслова Анна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета;
e-mail: ag.maslova@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna G. Maslova – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of Russian and foreign literature and teaching methods, Vyatka State University;
e-mail: ag.maslova@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маслова А.Г. Образы природы в поэзии Е.И. Кострова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 205–219.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-205-219

FOR CITATION

Maslova A.G. Images of nature in E. Kostrov’s poetry. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 205–219.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-205-219